

ДЕТСТВО ГЕНИЯ

*(о выдающихся людях, влиянии воспитания на становление характера
будущего гения)*

САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МАРШАК

Самуил Яковлевич Маршак родился в 1887 году, в старом русском городе Воронеже. Русская провинция жила своей, особой жизнью, XIX век здесь не спешил умирать.

По счастливой случайности знакомство мальчика с великой литературой началось не с гимназии. Первое соприкосновение непосредственно и сильно чувствующей детской души с поэзией – опасно. Оно может вызвать взрыв. Об этом писала в своё время Марина Цветаева: «Дают «Утопленника» и удивляются, что пугаются. Дают «Письмо Татьяны» и удивляются, что влюбляются. Дают в руки бомбу и удивляются, что взрывается...»

Однако во все времена существовало надёжное средство, предохраняющее живую и чуткую дет-

скую душу от «слишком сильных» впечатлений. Вот как много лет спустя вспоминал об этом Маршак: «Как прививают людям вакцину для того, чтобы они не заболели настоящему, так постепенно – скучной зубрёжкой отрывков из «Евгения Онегина» – вырабатывали у нас иммунитет к Пушкину, как бы заботясь только о том, чтобы мы не «заболели» им всерьёз...»

Эта искусственная «прививка иммунитета» повторяется из года в год, из десятилетия в десятилетие. И во все времена живой и жадный детский ум, отвернувшись от «скучных» классиков, которых «проходят в школе», начинает подлинное знакомство с литературой, поневоле обратившись к «современникам», к книгам, по выраже-

нию Маршака, пахнувшим не пылью и затхлостью чулана, а свежей типографской краской.

«Пора пришла, она влюбилась...» – с мудрой проницательностью говорит Пушкин о своей Татьяне. Вот также приходит пора подростку влюбиться в книги, в стихи. И тут многое зависит от того, какая книга встретится на его пути.

Какие же книги были популярны в ту пору, когда сверстники Маршака, отталкиваясь от унылой гимназической зубрёжки, впервые начинали рыться на книжных полках отцовских библиотек в поисках «чего-нибудь современного»?

Был Гаршин, был Чехов, был молодой Горький, молодой Леонид Андреев и др. Первая встреча подростка с «современной литературой» могла сложиться по-всякому. Четырнадцатилетнему Маршаку посчастливилось. «Не помню, как и когда, – вспоминает он, – попал в руки брату, а потом и мне тонкий, большого формата номер еженедельного журнала с крупным узорным заголовком «Нива». В этом номере на видном месте была напечатана глава из нового романа Толстого «Воскресенье» с рисунками художника Пастернака... Самые увлекательные из романов, прочитанных нами до того – Тургенева, Гончарова, Григоровича, – всё-таки относились к прошлому, хоть и к недавнему.

Каждому знакома эта радость узнавания мира, которую может дать человеку только современная литература. Но тут радость этого узнавания была усилена стократ. Это была современность, запечатлённая в слове Л. Толстым!»

Впрочем, «везенье» с этого только начиналось. В 1902 году Маршак приехал в Петербург, и тут произошла встреча, во многом определившая всю его последующую жизнь. Это было знакомство с Владимиром Васильевичем Стасовым, – знакомство, положившее начало большой и трогательной привязанности.

Странно говорить о дружбе двух людей, одному из которых едва исполнилось пятнадцать лет, а другому вот-вот должно было исполниться восемьдесят. Но тем не менее, вряд ли можно найти другое слово, которое с такой же точностью определило бы характер этих взаимоотношений.

Перед отъездом Маршака из Петербурга Стасов привёл мальчика к известному и модному в то время фотографу – Карлу Карловичу Булла.

«Много лет в доме у нас, – вспоминал Маршак, – хранилась ничуть не выцветшая и не потускневшая карточка, изображающая мальчика в белой гимназической блузе, глубоко задумавшегося над толстой книгой...» Другую – точно такую же карточку получил Стасов. Он бережно

положил её в свой бумажник и спрятал во внутренний карман сюртука».

О судьбе этой второй карточки, оставшейся в бумажнике Стасова, Маршак узнал несколько месяцев спустя. Однажды, вернувшись домой из гимназии, он нашёл на столе конверт, на котором было написано: «Его высокоородию Самуилу Яковлевичу Маршаку». Письмо отправил Стасов. Владимир Васильевич писал о своей поездке в Ясную Поляну, о встречах и беседах с Толстым, о том, что в одном из разговоров он рассказал ему о своём друге – «Маршачке». Толстой слушал рассказ Стасова с великим недоверием. Потом он сказал: «Ах, эти мне вундеркинды! Сколько я их встречал и сколько раз обманулся!»

«Тогда, – говорилось далее в письме Стасова, – я ему сказал: «Так вот что сделайте мне, ради всего святого, великого и дорогого: вот, поглядите на этот маленький портретик, что я только на днях получил, и пускай Ваш взор, остановясь на этом молодом, полном жизни личике, послужит ему словно благословением издаека!» И он сделал, как я просил, и долго, долго смотрел на молодое, начинающее жить лицо ребёнка-юноши...»

Было бы по меньшей мере наивно с серьёзным видом уверять на основании этого факта, будто «сам Толстой» благословил и напут-

ствовал юношу Маршака в самом начале его пути. Но как бы то ни было, история эта не могла не подействовать на воображение впечатлительного юноши. Благодаря Стасову юноша увидел людей, имена которых уже в то время составляли славу и гордость русского искусства: Репина, Римского-Корсакова, Шаляпина, Глазунова. Известно, что Стасов познакомил мальчика с Горьким. Мир, к которому прикоснулся юный Маршак благодаря Стасову, дал ему чувство кровной, личной причастности к великой дороге, проложенной гигантами. Стасов и Горький не только помогли мальчику «выбиться в люди». Они вывели его на дорогу, показали её и велели дальше по ней идти...

Многим мыслителям, художникам, поэтам, принадлежавшим к тому поколению, к которому принадлежал Маршак, и выбиравшим свою тропу из многих путей и перепутий, довелось изведать всю горечь сложных, кривых, извилистых дорог. Иные из них не раз сжигали всё, чему прежде поклонялись, меняли богов, возвращались вспять. Иные сумели убедить себя и стали убеждать других в том, что История зашла в тупик, что прогресс – фикция, что гибель цивилизации неизбежна, что для человечества ныне настал час, предвестием которого было старое библейское пророчество о конце мира.

Маршак был всегда в числе тех, кто не сомневался: чтобы ни случилось, труды человечества не бесплодны, на свете всё прибавляется ума, честности, правды...

«Жизнь для Маршака – ценность не только сама по себе, это для него ещё самая духовная и культурная ценность. Культура же для него не какая-то специфическая область жизни, а общий уровень отношения к себе и к миру, отношения к любви, к долгу, к природе, ибо всё это имеет прямое отношение к человеку, связано с его внутренним миром, формирует его и формируется им.

По отношению к детям Маршак исходил из того, что дети, которым он должен помочь вырасти и сформироваться, – это совсем особые, новые существа, не похожие на тех, что были прежде. Пока ещё они мало чем отличаются от предшествующих поколений. Но им предстоит совсем другая судьба. Им суждено изменить облик мира. Значит надо воспитывать их так, чтобы им стало тесно в рамках старых, привычных идей и представлений. Надо с самых малых лет внушить человеку, вступающему в мир, что он – законный наследник всего лучшего и ценного, что создано человечеством.

Ребёнок – энциклопедист по складу своей личности, по характеру своих взаимоотношений с миром. Он невольно тяготеет к синте-

тическому постижению сущности вещей. Особенно, когда он приходит, неся с собой свои «сто тысяч почему» и ни на одно из этих «почему» не получает ответ, но в то же время получая ответы на вопросы, которые он и не думал задавать. В результате всё происходит, как в маленьком стихотворении Маршака:

Он взрослых изводил
вопросом «почему?».
Его прозвали «маленький
философ».
Но только он подрос,
как начали ему
Преподносить ответы
без вопросов.
И с этих пор он больше никому
Не досаждал вопросом «почему?».

Анализируя тысячи писем детей, Маршак не уставал восхищаться не только разносторонностью, неожиданностью и многообразием их вопросов, желаний, требований, но прежде всего их удивительной потребностью получить цельное представление о мире, понять связь и зависимость самых различных и самых сложных явлений этого мира.

Человек растёт. С каждым месяцем, с каждой неделей меняется его отношение к вещам, которые его окружают. Он вырастает из своей одежды, из своей комнаты, из своего переулка. Он приезжает после летних каникул, и школьный двор, который ещё так недавно казался ему целым миром, таинствен-

Детство гения

ным и незнакомым, теперь – просто-напросто самый обыкновенный двор, изученный и обжитый. Кубики, конструкторы, игрушечный заводной самосвал – вещи, ещё недавно имевшие для него громадную ценность, теперь вызывают лишь снисходительную улыбку. Ему смешно: неужели эти игрушки ещё недавно могли его интересовать? Какие пустяки! Он уже большой. Он вырос. До них ли ему!

Точно так же бывает и с книгами, прочитанными в детстве. Когда ты плакал, когда тебе читали вслух о злоключениях героя. Ты счастливо смеялся его удачам. Но вот прошло несколько лет. Ты уже прочёл другие книги. И случайно тебе попала в руки та – давнишняя, детская. Ты улыбаешься: какими наивными, глупыми кажутся тебе твои вчерашние слёзы и смех...

Детские стихи Маршака – настоящие. Но что это значит: настоящие стихи? И чем отличаются они от ненастоящих? «Настоящесть» детских стихов Маршака именно в том, что поэт обращает к ребёнку весьма широкий

круг своих истинных переживаний. Это стало возможно по нескольким причинам. Важнейшая из них коренилась в особом строе души поэта. Но были и другие. В частности, огромную роль тут играло то, что Маршаку всегда было бесконечно чуждо представление о детстве как о «голубой» и «розовой», безмятежно счастливой поре в жизни человека. Мир ребёнка для него – это мир бесконечно сложной и напряжённой, неисчерпаемо богатой духовной жизни. Для Маршака детство – это самый трудный, самый ответственный этап в жизни человека, напряжённый, исполненный подлинного драматизма. Он убеждён, что личность человека, его духовное «я» начинается, завязывается именно там, в детстве... Вот почему Маршак никогда не сомневался в том, что большой мир его истинных переживаний может быть не только доступен, но и интересен, и главное – нужен ребёнку.

*Источник:
Сарнов Б. М., Самуил Маршак
(очерк поэзии)
М.: Худ. лит., 1968*

